

Michal'čuk, Tamara Grigor'jevna

Речевой этикет в прозе А.П. Чехова

Opera Slavica. 2000, vol. 10, iss. 2, pp. 8-19

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117777>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Тамара Григорьевна Михальчук (Могилев)

А. П. Чехов писал: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Его облик, писателя и гражданина, соответствовал этому высказыванию.

В своих произведениях Чехов ведет с читателем диалог о вежливости и грубости, самоуничтожении и сохранении человеческого достоинства, тем самым ненавязчиво воспитывая. В жизни он придавал огромное значение воспитанности человека как обязательному компоненту культуры личности. «Воспитанные люди уважают человеческую личность, а поэтому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы».

А. П. Чехов, автор социально-психологических рассказов о детях, является продолжателем традиции Л. Н. Толстого. Подобно Толстому писатель считает, что дети в наивной форме сохраняют истинную сущность человека, которую общество во взрослом индивидууме извращает. Любуясь ребенком, восхищаясь его душевной чистотой и красотой, Чехов обращает внимание на изменчивость и подвижность его внутреннего мира, ориентацию его поведения на принятые среди взрослых нормы.

Мир, увиденный ребенком, – одна из тем первого большого чеховского произведения – «Степь». В повести проявилось мастерство в раскрытии тайн детской души, равнодушной к красоте, отзывчивой и по-детски справедливой. Главный герой повести Чехова «Степь» – Егорушка – является свидетелем такой сцены: *Первый подбежал пить Дымов. Он пил со смаком, часто отрываясь от ведра и рассказывая Кирюхе о чем-то смешном, потом повернулся и громко, на всю степь, произнес штук пять нехороших слов. Егорушка не понимал значения подобных слов, но что они были дурные, ему было хорошо известно. Он знал об отвращении, которое молчаливо питали к ним его родные и знакомые, сам, не зная почему, разделял это чувство и привычку думать, что одни только пьяные да буйные пользуются привилегией произносить громко эти слова.* (Степь).

В произведениях А. П. Чехова этикетное поведение выполняет характеризующую идейно-художественную функцию. В них также содер-

жата косвенные наблюдения над употреблением стереотипов речевого этикета.

А. П. Чехов отображает орфоэпические особенности графически, а также копирует (со стилистическим заданием) орфографические ошибки в письме: *Пантелей поклонился Варламову; тот заметил это и, не отрывая глаз от бумаг, сказал картавая: – Здагаствей, стагик!* (Степь). Ср. В письме: *Извините и простите меня старого старикашку и нелепую душу человеческую за то, что осмеливаюся Вас беспокоить своим жалким письменным лепетом.* (Письмо к ученому соседу).

Автор дает многообразные описания жестов и мимики героя. Известно, что «жест, являясь значимым невербальным сигналом, может замещать довольно сложную реплику» (Формановская Н. И., Сенеси Э., 1986, 14). Например, лакейскую вежливость демонстрирует Мойсей Мойсеич: *Введя гостей в комнату, Мойсей Мойсеич продолжал изгибаться, всплескивать руками, пожиматься и радостно восклицать – все это считал он нужным проделывать для того, чтобы казаться необыкновенно вежливым и любезным.* (Степь).

При всей психологической значимости жеста, мимики, движения эти средства пластической выразительности не являются доминирующими в художественной палитре Чехова. Писатель обращается к приемам аналитического изображения: авторскому комментарию состояния героя, внутреннему монологу, несобственно-прямой речи.

Автор часто комментирует тон, который сопровождает этикетную реплику, помогая таким образом тональности общения, отражающей взаимоотношения говорящих, например: *Фельдшер Михаил Захарыч (это был он) тихо кашлянул и несмело вошел в кабинет. Помолчав немного, он сказал глухим, виноватым голосом: – Простите меня, Григорий Иванович!* (Степь).

Приведем пример внутреннего монолога – (заверения) героя рассказа А. П. Чехова «Учитель словесности»: *А он глядел и думал: «Даю себе честное слово, клянусь богом, что я не буду робеть и сегодня же объяснюсь с ней...».*

Проанализируем этикетные ситуации в произведениях Чехова.

Ситуация «Благодарность» – весьма повторяема в его рассказах. Она переплетается с другими ситуациями: «Согласие», «Несогласие, отказ», «Пожелание», «Прощание». Например, благодарность и пожелание (при прощании): *Я благодарен и вам, и вашей кухарке, дай бог здоровья этой доброй, благородной женщине.* (Нищий). – *Прощайте,*

братцы! – крикнул он, когда обоз тронулся. – *Спасибо вам за хлеб-соль!* (Степь).

В произведениях А. П. Чехова используются следующие формулы благодарности: *чувствительно вас благодарим за вашу приятность; мерси; очень и чрезвычайно вам благодарен; спасибо вам за добрые слова и дела (ваше радушие; ваши ласки; за вашу любовь); спасибо на добром слове; спасибо за все!*

Ср.: ответ на благодарность: *Ах, не беспокойтесь благодарить.* (Степь).

«Благодарность» может употребляться в качестве «несогласия»: *Я люблю слушать и читать, но верить, покорнейше благодарю, я не умею и не хочу.* (Огни).

Ср.: «ложная благодарность». *Он отпустился в кресло, но тотчас же быстро вскочил, подбежал к доктору и, сердито тараща на него глаза, заговорил вежливым тоном: – Очень и чрезвычайно вас благодарим, Григорий Иванович! Одолжили, благодарю вас! Во веки веков аминь, не забуду! Так приятели не делают! Как угодно, а это даже недобросовестно с вашей стороны!* (Степь).

Фразеологизированный оборот *и на том спасибо* также выражает формальную благодарность: – *Конечно, – говорю я, – вы не станете учнее оттого, что будете у меня экзаменоваться еще пятнадцать раз, но это воспитывает в вас характер. И на том спасибо.* (Скучная история).

Ситуация «Извинение». Извинение – словесное искупление вины, доставленного неудобства, неуместного поступка. В этой ситуации непременно присутствует оттенок значения просьбы: – *Замучил голод, Павел Михайлович! – продолжал отец Яков. – Извините великодушно, но нет уж сил моих.* (Кошмар).

Извинение обычно подкрепляется мотивировкой: – *Ах, боже мой! Боже мой! – забормотал он вполголоса. – Уж вы будьте добрые, извините и не сердчайте. Это такой человек, такой человек.* (Степь).

Вместе с формулами извинения употребляется вежливое обращение: *Боренька, ангел мой, не могу врать, когда вижу твое лицо. Извини... До чего же доходит мое нахальство, боже мой!* (Отец). *Поклонился я Васе в ноги и говорю: «Виноваты мы перед тобой, Василий Максимыч, прости Христа ради!»* (Бабы).

Большую роль играет контекст, авторские ремарки, которые конкретизируют тон, мимику, жесты: – *Студент нерешительно полез за ним и,*

толкнув его нечаянно локтем, сказал робко и вежливо: «Виноват!» (Почта).

Встречаются разные виды извинения: смущенное, испуганное, искреннее, вынужденное и др., например: **Высокопарное:** – *Вашество! Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!* (Смерть чиновника); **угодливое:** – *Ваше сиятельство, извините, у нас не чисто!* – *стонал Мойсей Мойсеич с мучительной сладкой улыбкой, уже не замечая ни Кузьмичова, ни о. Христофора, а только балансируя всем телом, чтобы не рассыпаться.* (Степь); **шутливое:** *Он помолчал немного, погладил себе колени и заговорил в почтительно-шутливом тоне: – Уж вы меня извините, отец Христофор, а я собираюсь написать бумагу архиерею, что вы у купцов хлеб отбиваете.* (Степь); **назойливо-раболепное:** – *Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно... Ради бога, извините. А ведь... я не желал!* (Смерть чиновника).

Используются и другие формулы извинения (часто с интенсификаторами): *простите, бога ради; прошу прощения; простите-с; я извиняюсь; ради бога, извините; извините за выражение; виноваты мы; прошу извинения.*

Ситуация «Знакомство». Знакомство в произведениях А. П. Чехова осуществляется контактно и в письменном виде: *Часов через пять отец Яков явился. – Очень рад познакомиться!* – *встретил его в передней Кушин.* (Кошмар). Ср. в письме: *Позвольте же драгоценный соседюшка хотя посредством сих старческих иероглифов познакомиться с Вами, пожать мысленно Вашу ученую руку...* (Письмо к ученому соседу).

Используются **просторечные формы** (у простого народа): *Старик же долго оглядывал объездчика и спросил: – Никак, Пантелей из Макаровской экономии? – Я самый, – ответил объездчик. – То-то я вижу. Не узнал – богатым быть.* (Счастье). – *Тебя как звать? – Егорушка. – Стало быть, Егорий... Святого великомученика Егория Победоносца числа 23 апреля. А мое святое имя Пантелей... Пантелей Захаров Холодов... Мы Холодовы будем...* (Степь).

Диалоги в ситуации «Знакомство» свидетельствуют об отличном знании писателем психологии ребенка (например, наивного, непосредственного Егорушки) и взрослого человека (недоверчивой Настасьи Петровны): *Вы чьи? – спросил лавочник, наливая себе чаю из красного медного чайника. – Племянник Ивана Иваныча. – Иваны Иванычи разные бывают, – вздохнул лавочник.*

– *Здравствуйте!* – тоже крикнул ей Иван Иванович, отмахиваясь палкою от рыжей собаки. – Скажите, пожалуйста, здесь живет Настасья Петровна Тоскунова? – *Здесь!* А на что вам? Иван Иванович и Егорушка подошли к ней. Она подозрительно оглядела его и повторила: – На что она вам? – Да, может, вы сами Настасья Петровна? – Ну, я! – *Очень приятно.* (Степь).

Ситуация «Приветствие». Приветствие, не имея информативного значения, обладает особой значимостью. Приветствуя другого, мы подтверждаем этим свое знакомство и готовность продлить его.

Рассказ А. П. Чехова «Толстый и тонкий» – зарисовка общественных нравов. Встретились два бывших соученика: – *Порфирий!* – воскликнул толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет! – *Батюшки!* – изумился тонкий. – *Миша!* Друг детства! Откуда ты взялся?

Встреча, приятные воспоминания бывших друзей прерваны в момент, когда они узнают друг в друге чиновников несовместимого статуса. Этим фактом между тем нельзя исчерпать повествование. Вспышка радостных эмоций позволяет многое понять в Толстом и Тонком. Они сохранили не одну лишь память о детстве, но способность к живому, заинтересованному общению. Столь естественный порыв гаснет мгновенно: душевная энергия как бы переплавляется во внешнюю позу. У Тонкого – в подобострастные поклоны высшему чину, у Толстого – в кичливое презрение к низшему. Оба предстают в одинаково смешном и ничтожном виде. А читателем овладевает горькая мысль о растрате здоровых человеческих чувств и стремлений.

«Хотя информации в приветствии мы не получаем, обмен типа: „Я к тебе хорошо отношусь и желаю тебе добра“ – играет в нашей жизни не меньшую роль, чем знания, ведь он подтверждает, что человек уважаем, любим, к нему хорошо относятся» (Акишина А. А., 1990, 75).

В русском языке большинство приветствий – это пожелания: здравствуйте, т. е. будьте здоровы; здравия желаю! (Военное приветствие).

В произведениях А. П. Чехова формулы приветствия в стилистическом отношении весьма разнородны: от стилистически сниженных (просторечных) до стилистически повышенных, например: – *Тпру! Здорово, Пантелей! Все благополучно?* – *Слава богу, Иван Иванович.* (Степь). – *Здравия желаем,* – сказал Яков, вводя старуху в приемную. (Скрипка Ротшильда).

В приветствии ярко выражена национальная специфика формул русского речевого этикета.

Интересно, что в прошлом в русском языке было много приветствий, употребляющихся в зависимости от того, чем был занят человек. Это отразилось в рассказах Чехова: – *Здравствуй, дед! Бог на помощь! – приветствовал его Мелитон тонким, сильным голосом.* (Свирель).

В ответной реплике может использоваться фразеологизированный оборот: – *Вот вам и зима пришла назад, – сказал студент, подходя к костру. – Здравствуйте! Василиса вздрогнула, но тотчас же узнала его и улыбнулась приветливо. – Не узнала, бог с тобой, – сказала она. – Богатым быть.* (Студент).

Весьма распространена в рассказах Чехова формула «мое почтение». В ней выражено уверение в уважении: я уважаю, почитаю вас.

Она может использоваться как в начальной, так и в ответной реплике: – *Мое вам почтение! – слышит вдруг Гриша почти над самым ухом чей-то громкий, густой голос и видит высокого человека со светлыми пуговицами.* (Гриша). Ср. Ответ на приветствие: – *Ааа – мое вам! – зевает фельдшер.* (Скрипка Ротшильда).

Как показывает художественный текст, в приветствие могут включаться этикетно-контактные фразы о жизни, делах, здоровье.

«**Пожелания**». Русским людям присуща душевная щедрость и широта, отсюда многочисленные добрые пожелания, часто имеющие ситуативную направленность. Так, отъезжающим в дорогу желают: – *Ну, поезжай с богом, – сказал приемщик.* (Почта). *И Петр Дмитрич хлопал пристяжную по крупу. – Ну, трогай! Дай бог час добрый!* (Именины). При прощании используют разнообразные пожелания: *Ну, дай вам бог всего хорошего!* (Степь).

При встрече употребляются пожелания-приветствия, например, обедающим: – *Хлеб да соль, братцы! – Милости просим! – отвечал за всех Пантелей.* (Степь). *Мойсей Мойсеич принес из другой комнаты табурет и сел на некотором расстоянии от стола. – Приятного аппетита! Чай да сахар! – начал он занимать гостей. – Кушайте на здоровьечко.* (Степь).

Некоторые из таких ситуативных пожеланий сохранились и сегодня: тем, кто работает, – *бог в помощь!* Тем, кто возвращается из бани: *с легким паром!* Обедающим: *приятного аппетита.* Если человек уезжает, ему желают счастливого пути. Как и в наше время, распространенным было пожелание здоровья (наряду со стертым пожеланием «здравствуйте»): – *А он хороший человек, ничего... Дай бог здоровья.* (Степь).

Выбор пожеланий-приветствий зависит от времени суток, например: – *Добрый вечер, Николай Ильич! – услышал он детский голос.* (Житей-

ская мелочь). Так, Чеховым обыгрывается многозначность слова «спокойный» в пожелании «спокойной ночи» – как бы восстанавливается стертое значение ритуально-этикетной формулы: – *Спокойной ночи, – проговорила она. – Я не хочу спокойной ночи... – сказал я, смеясь и идя за ней в гостиную. – Я прокляну эту ночь, если она будет спокойной.* (Страх).

Ср. пожелание-наставление будущему школьнику: – *Ты куда же едешь? – спросил он, притопывая ногами. – Учиться, – ответил Егорушка. – Учиться? Ага... Ну, помогай царица небесная.* (Степь).

Ситуация «Прощание». Самой распространенной формулой в ситуации «Прощание» в произведениях Чехова является Прощай(те) + обращение.

Обычно при прощании благодарят за гостеприимство, извиняются за беспокойство и желают остающимся всего доброго: – *Уезжаю! – говорил он, прощаясь с нею около калитки. – Не поминайте лихом! Спасибо за все!* (Верочка). И там же: – *Ну, будьте счастливы, живите сто лет... – В таком случае прощайте... Извините... – Прощайте, мой друг. Доброго здоровья.* (Скучная история). По старинному русскому обычаю отъезжающего обнимают и крестят трижды: – *Поезжай сам, мой милый, – сказала томно маман, – я остаюсь ночевать у Лили. Прощай, мой друг... Дай я тебя перекрещу...* (Володя).

Вслед за прощанием следует просьба передать привет, кланяться родным, друзьям, а также выражается надежда на встречу: *Он прощался около тарантаса и сказал. – Ну, с богом! Кланяйся, Михайло, матери! Всем кланяйся.* (Почта). – *Ну, прощайте! Смотрите же, мы ждем вас! Не обманите!* (Именины).

Писателем используются и каламбурные формулы прощания: – *А за сим до свиданция, бонжур.* (Скрипка Ротшильда).

Мальчик Егорушка, как это свойственно детям, мысленно прощается не только с людьми, но и с неодушевленным предметом: *Прощай, бричка! – подумал Егорушка.* (Степь).

Согласие. В формах согласия могут быть выражены различные варианты социально-коммуникативных отношений и субъективной окраски, ср.: смущенное, испуганное согласие: *Впрочем, правда ваша, – смутилась певица, – они как-то привезли мне две штучки. Извольте, я отдам, ежели желаете.* (Хористка); насмешливое, ироническое: (Обращается бедный хозяин к лошади и собаке, которых нечем кормить): *Небось кушать желаете! – усмехнулся он, кривя свое лицо презрительной улыбкой. – Извольте, сию минуту! Для такого стоящего рысака*

овса самого лучшего сколько угодно! Кушайте! Сию минуту! (Нахлебники); вежливое (формальное): – ...Сколько ей? – Да без года семьдесят, Максим Николаевич. – Что же? Пожила старушка. Пора и честь знать. – Оно, конечно, справедливо изволили заметить, Максим Николаевич, – сказал Яков, улыбаясь из вежливости, – чувствительно вас благодарим за вашу приятность, но позвольте вам выразиться, всякому насекомому жить хочется. (Скрипка Ротшильда); неохотное: (С последующей авторской верификацией): – Чайку не желаете ли? – Пожалуй... – согласился Егорушка с некоторой неохотой, хотя чувствовал сильную тоску по утреннему чаю. (Степь); полное, абсолютное: ...Если позволите сделать не совсем удачное сравнение, то книги – это ноты, а беседа – пение. – Совершенно верно. (Палата № 6); поспешное (вынужденное): ...Когда больные жалуются ему на голод или на грубых сиделок, он конфузится и виновато бормочет: Хорошо, хорошо, я разберусь после... Вероятно, тут недоразумение... (Палата № 6).

Несогласие, отказ. Вежливый отказ обычно снабжается мотивировкой: – Может быть, желаете мнээ... водки выпить и закусить? Мнэ-э? – Нет, спасибо, я сыт. (Степь). Перед несогласием может быть извинение: *Простите* меня старичка, но я с Вами касательно этого важного пункта не согласен и могу Вам запяную поставить. (Письмо к ученому соседу).

При вежливом отказе используются также, как правило, обращения, иногда благодарность и мотивировка: – Отдали бы мне, как я говорил, вашу шерсть и ехали бы себе назад, а я б вам, так и быть уж, дал бы по полтиннику поверх своей цены да и только из уважения. – Нет, Иван Иванович, – вздыхал о.Христофор. – Благодарим вас за внимание. Конечно, ежели б моя воля, я б и разговаривать не стал, а то ведь сами знаете, товар не мой. (Степь).

Ср.: невежливый, категорический отказ от настойчивого приглашения к столу: – Четверть чашки! – взвизгнул Мойсей Мойсеич. – Да побойтесь вы бога, Иван Иваныч! Вы меня заставите, чтоб я ваши шапки спрятал и запер на замок дверь! Вы хоть закусите и чаю поужинайте! – Некогда нам с чаями да сахарами, – сказал Кузьмичов. (Степь).

Заверение. Этикетные формулы заверения используются в различных ситуациях, например, при прощании: – Прощайте, братцы! – С богом! – крикнул Кузьмичов. – Я на вас надеюсь! – Будьте покойны, Иван Иваныч! (Степь). – Дайте, голубчик, слово, что вы будете слушаться во всем Евгения Федоровича. – Извольте, даю слово. (Палата № 6).

Ср. в монологе: – *Вы говорите, что я мерзавка и разорила Николая Петровича, а я вас, как перед истинным богом заверяю, никакой пользы от них не имела...* (Хористка). Формулы заверения используются и во внутреннем монологе: – *Не за худом едешь, а за добром. Учение, как говорится, свет, а неученье – тьма. Истинно так.* (Степь).

Употребляются формулы заверения и в ситуации «Благодарность»: *Никогда, во веки веков не забуду вашего гостеприимства.* (Верочка).

Приглашение. Приглашение сочетается с вежливым обращением: *Пожалуйста, дорогие гости!* (Степь). *Пожалуйста, господа, закусить.* (Попрыгунья). – *Ну, Борис, милости просим, садись!* (Степь). *Старуха, вздыхая, вышла и скоро вернулась с арбузом и дыней. – Кушай, батюшка! Больше угощать нечем...* – сказала она зевая. (Степь).

В приторно-слащавой речи хозяина постоялого двора Мойсей Мойсеича, чем-то напоминающей «словесную вязь» гоголевского Манилова, может использоваться сразу несколько этикетных формул: *Ах, боже мой, да что же я стою на одном месте и не зову гостей в горницу? Пожалуйста, покорнейше прошу... милости просим!* (Степь).

Формулы приглашения употребляются при встрече, знакомстве: *Около крыльца встретил Федор с очень серьезным лицом. – Очень рад познакомиться, сестреночка, – сказал он, целуя Юлии руку. – Добро пожаловать!* (Три года).

Приглашения, в отличие от других этикетных формул, конкретно выражают смысл высказывания, сближаются по форме с просьбой. Но эта просьба предназначена больше для блага гостя (собеседника), чем хозяина: – *Да бог с вами, Иван Иванович! – ужаснулся Мойсей Мойсеич, всплескивая руками. – Куда вы на ночь поедете? Вы поужинайте на здоровьечко и переночуйте...* (Степь).

Поздравления. Поздравления употребляются в речи чеховских персонажей не только в связи с праздничными датами, как то: *Поздравляю вас с рождеством и желаю тебе всего от господа бога.* (Ванька). (Пример показывает, что за праздничным поздравлением обычно следует пожелание).

Поздравляют и с другими событиями в жизни: *Поздравляю, вы, говорят, уже известность и начинаете завоевывать славу.* (Пассажир 1-го класса).

Поздравления используются и как приветствия: – *С чем пожаловали? – С воскресным днем вас, Сергей Кузьмич.* (Хирургия).

Формула *поздравляю вас* может иметь оценочное значение («Вы молодец, умница, не то, что я»): – *Мне, вероятно, на роду написано*

ничего не понимать. Если вы понимаете что-нибудь, то... поздравляю вас. (Страх).

Встречается и невежливое, ироническое, злое *Ну и поздравляю* в ситуации нежелательной осведомленности о поступке. Смысл такого формального «поздравления» писатель раскрывает в ремарке: *И почему это ты находишь более удобным откровенничать с чужими женщинами, а не с женой? Я ведь слышала, как ты сегодня на пашке изливался перед Любочкой.* – *Ну и поздравляю. Очень рад, что слышала. Это значило: оставь меня в покое, не мешай мне думать.* (Именины).

Обращение. Обращения в рассказах Чехова несут большую смысловую нагрузку. Они образные, ситуативно направленные. Помимо характерных для того времени иерархических обращений (*Ваше превосходительство* и т. д.), обращения употребляются со специальным стилистическим заданием, эмоциональной окраской, например, шутивное, по имени-отчеству, к мальчику, едущему учиться: – *А-а, Егор Николаич!* – *пропел о. Христофор.* – *Господин Ломоносов!* – *А, господа дворяне!* – *сказал Кузьмичов.* – *Милости просим.* (Степь).

Старик в рассказе «Отец» называл сына ласково, когда были нужны деньги: *Боренька, ангел мой.* В конце рассказа, изрядно выпивший, в обществе чуждых сыну людей, отец обращается к нему холодно, как к чужому: *Сын молча выждал час и стал прощаться.* – *Не смею удерживать!* – *сказал надменно старик.* – *Извините, молодой человек, что я живу не так, как вам хочется. Прощайте-с, молодой человек!* – *говорил он, провожая сына до дверей.* (Отец).

Ср., как моделируется восприятие чужой речи ребенком (А. П. Чехов использует многозначность слова «сиятельство» в обращении, развивает стандартное значение титулования): – *Ваше сиятельство, извините, у нас не чисто!* – *стонал Мойсей Мойсеич с мучительно-сладкой улыбкой...* *Егорушка протер глаза. Посреди комнаты стояло действительно сиятельство в образе молодой, очень красивой и полной женщины в черном платье и в соломенной шляпе.*

Ситуация «Просьба». Семантический и экспрессивный диапазон «просьбы» велик: от сухой, официальной – до умоляющей; от просьбы-приказа до просьбы-милостыни: – *А у меня к тебе просьба, Марк Иванович,* – *начал он после шестого стакана, стуча пальцем по прилавку.* (Нахлебники). Ср.: – *Ну, пожалуйста!* – *говорил он умоляюще, прижимая обе руки к сердцу.* – *Прошу вас!.. Сделайте такое одолжение.* (Огни).

Авторская ремарка конкретизирует, каким образом была выражена просьба: – *Я прошу Вас! – слышалось сквозь рыдания.* (Хористка). – *Павел Васильевич! – сказала томно Мурашкина, поднимая и складывая молитвенно руки...* (Драма).

Просьба нередко дается в одном функционально-речевом блоке с мотивировкой, обращение также непременно должно присутствовать: *Этак помыкался парень с год, потом приходит ко мне и: «Папаша, продайте шерсть, сделайте милость! Ничего я в этих делах не понимаю».* (Степь).

Просьба, как правило, излагается в первой реплике, в ответной выражается согласие выполнить ее или отказ (порой грубый): – *Дмитрий Петрович, позвольте к вам прийти, – явите божескую милость! Пропадаю с голоду.* – *Ну, ладно,* – *сказал Силин.* – *Приходи.* (Палата № 6). – *Сделайте милость, ваше благородие, доведите до порядка! Лошади два дня не евши и хозяин, чай, серчает.* – *Да пойми же, дубина, что это не наше дело! Поезжай к Чалисову.* (Огни).

Слово писателя всегда, и ныне, дорого людям разного возраста. Чем же влечет чеховский мир? Удивительной естественностью и глубиной. Трезвой правдой и чуткостью к красоте. Тонким юмором и мудростью предвидения. В его героях мы узнаем себя, свои переживания, находим ответ на мучительные вопросы. Об этом редком даре Чехова пронзительно сказал Л. Н. Толстой: «Чехов – несравненный художник. Да, да... именно несравненный. – Художник жизни... И достоинство его творчества в том, что оно понятно и сродни не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще».

Всем своим творчеством А. П. Чехов доказал, что художественное произведение должно преследовать гуманистические цели, формировать хороший эстетический вкус, воспитывать культуру, в том числе и речи, не развращать, не уродовать изначальное представление о красоте, чести и справедливости.

Литература:

1. ФОРМАНОВСКАЯ, Н. И., СЕНЕШИ, Э.: Русский речевой этикет в зеркале венгерского. – Москва, «Русский язык», 1986. – Будапешт, 1986.
2. АКИШИНА, А. А.: Приветствуем друг друга, улыбаясь. О русском речевом этикете. В: Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. – Киев, № 10, 1990.

Источники:

- Чехов, А. П.: Избранные произведения в 3-х томах. Повести и рассказы. – Москва, «Художественная литература», 1967.